

Чэн Хао протянул ей два десерта в фольге, которые он купил в отдельном окне выдачи; в каждом из них лежал огромный яичный тарт.

— Спасибо, старшекурсник.

Ли Сюэ бесцеремонно забрала угощение. Раз уж симпатичный парень решил угостить, упускать такую возможность было бы глупо. Она повернулась к Чэн Хао, и на её лице промелькнул румянец.

Минхуэй толкнула подругу локтем и многозначительно подмигнула. Ну ты и бессовестная.

— Это же от чистого сердца. Держи, твой.

Ли Сюэ не обратила внимания на укор и великодушно поделилась с ней одним тартом. Понимая, что отказываться теперь было бы просто жеманством, Минхуэй смущенно улыбнулась Чэн Хао.

Когда она не улыбалась, её лицо было прекрасно: тонкие, как ивовые листья, брови на изящном, крошечном личике, аккуратный носик — ни прибавить, ни убавить, всё в самый раз. Пухлые губы сияли свежестью, свойственной лишь юности.

В глазах Чэн Хао, когда Минхуэй улыбалась, она становилась ещё краше. Её лицо расцветало, словно роза, ослепительно и притягательно.

Сидевший напротив парень замер, не в силах отвести взгляд.

Мальчики взрослеют эмоционально раньше девочек, и Чэн Хао прекрасно осознавал, что именно вызывает это волнение в его груди. Его рука, державшая палочки, слегка дрожала.

Ли Сюэ спрятала мимолетную грусть в глазах, притворилась, что внезапно что-то вспомнила, и громко воскликнула:

— Минхуэй, я же совсем забыла! Отец просил водителя что-то мне передать, наверняка он уже заждался. Вот же дырявая голова!

Она взяла свой тарт, помахала им в сторону Чэн Хао и добавила:

— Спасибо за угощение, старшекурсник.

И тут же умчалась, только пятки засверкали.

— Эй, Ли Сюэ...

Остаться наедине с парнем, которого видела всего в третий раз в жизни — это же так неловко! Минхуэй покраснела и виновато улыбнулась Чэн Хао, лихорадочно размышляя: не найти ли и ей какой-нибудь предлог, чтобы сбежать следом?

Сидеть напротив красавчика и обедать — это совсем не для неё. Если она не уйдет пораньше, кто знает, может, завтра в её парте окажутся тараканы, дохлые мыши или перечный спрей. Не то чтобы она с таким никогда не сталкивалась...

Чэн Хао заметил её замешательство и начал заводить непринужденный разговор. Не отвечать — было бы невежливо. Минхуэй выдавила из себя не самую искреннюю улыбку. Она сама чувствовала, что уголки губ приподнялись недостаточно высоко, а мышцы лица словно одеревенели — вероятно, задействовала от силы двадцать семь процентов лицевых нервов.

Однако она явно недооценила своего фаната, сидящего напротив.

— Вот так, именно так и надо. Тебе стоит чаще улыбаться. Обычно ты выглядишь такой серьезной, как Мона Лиза, у которой удалили нервы, отвечающие за улыбку. К такой хочется подходить только издалека.

Мона Лиза? Она что, достойна такого сравнения? Искренние слова Чэн Хао заставили девушку окончательно залиться краской.

Вернувшийся с подносом Чжан Минтин увидел, как Минхуэй лучезарно улыбается этому смазливому парню напротив. А тот, этот ловелас с приторно-сладким лицом, вовсю пытается охмурить её маленькую колючку.

Лицо молодого господина Тина мгновенно почернело.

Улыбаешься? Улыбаешься?! Посмотрим, сможешь ли ты улыбаться через секунду.

Чжан Минтин вернулся к раздаче, одарил полную тетешку-повариху своей ослепительной улыбкой, от которой та покраснела до корней волос и, повинувшись указанию красавчика, налила ему полную миску супа.

На поверхности бульона плавал слой жира. Чжан Минтин с отвращением отвел взгляд. Фу, какая гадость.

Потянув Фу Чжэна к их столику, Чжан Минтин притворился, что споткнулся, и нарочито громко воскликнул:

— Ой, ой, мой суп...

<http://bllate.org/book/21699/2239256>